

А. А. Потебня

**1. О некоторых символах в
славянской народной поэзии**

**2. О связи некоторых
представлений в языке 3. О
купальских огнях и сродных
с ними представлениях 4. О
доле и сродных с нею
существах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
П64

П64

Потебня А.А.

1. О некоторых символах в славянской народной поэзии 2. О связи некоторых представлений в языке 3. О купальских огнях и сродных с ними представлениях 4. О доле и сродных с нею существах / А. А. Потебня – М.: Книга по Требованию, 2015. – 246 с.

ISBN 978-5-458-15064-4

Второе издание. В своих работах "О некоторых символах в славянской народной поэзии", "О связи некоторых представлений в языке", "О купальских огнях и сродных с ними представлениях", "О доле и сродных с нею существах" Потебня широко исследует символику устного народного творчества, и в частности такие характерные для славянского песенного народного творчества символы, как Калина, Счастье, Горе, Доля и др., связывая их с выяснением специфики художественного отражения действительности.

ISBN 978-5-458-15064-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

отношение причинное. а) Сравнение выражается въ народной поэзии или такъ, что символъ вполнѣ соответствуетъ своему предмету, или такъ, что между тѣмъ и другимъ полагается нѣкоторое различие. Въ полномъ сравненіи символъ является то приложеніемъ (конь—соколь), то обстоятельствомъ въ творит. пад. (зегзицею кычеть), то развитымъ предложеніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ сравниваемое можетъ подразумѣваться, или—быть развито до такой степени, какъ и символъ. Примѣромъ первого можетъ служить пѣсня Краледворской ркп. „Ach ty róže, krasna róže! Čemu si rano rozwetla, rozwetawši pomrza, pomrzawši uswědla, uswědewši opadla?“ и вслѣдъ за тѣмъ слова дѣвицы, которая сравнивается съ розою; примѣромъ второго—двустишие: „Грушице моя! чомъ ти не зеленая? Милая моя! чомъ ти не веселая?“ въ которомъ каждому слову первой половины соответствуетъ слово второй. Символъ, какъ приложеніе, сливается съ обозначаемымъ въ одно цѣлое, а творительный падежъ напоминаетъ превращенія: то и другое можетъ быть отнесено къ тому времени, когда человѣкъ не отдалъ себя отъ вѣнчаней природы. Сравнительно позже появился параллелизмъ выраженія: онъ указываетъ на затемнѣніе смысла символовъ, потому что если эти пѣвѣдніе понятны, то и объяснить ихъ не-зачѣмъ. Еще болѣе позднимъ кажется выраженіе символа въ видѣ полнаго или сокращеннаго придаточного предложенія съ сравнительнымъ союзомъ (напр. въ Кр. ркп. *jako zora, jako luna*): присутствіе союза доказываетъ, что между сравниваемыми предметами ставится большое различіе, и напоминаетъ пріемы искусственного языка.

Формъ отрицательного сравненія тоже нѣсколько. Въ Сербскихъ пѣсняхъ довольно часто употребляется такой оборотъ: предпосыпается символъ въ видѣ положенія или вопроса, и вслѣдъ затѣмъ отрицается, а на мѣсто его ставится обозначаемый предметъ, напр. Надви се облак изнад дївојак'; То не био облак изнад дївојак, Већ добар јувак тражи дївојак', (Срп. пјес I. 2);

Шта се сјаји, кроз гору зелену? Да л'је сунце, да л'је јасан месец? Нит'је сунце, ни ти јасан месец, Већ зет шури на војводство доће (ib. 13.). Сербскія, а особенно Великорусскія пѣсни опускають сравненіе положительное и начинаютъ съ отрицанія: „не...а“. Безъ сомнѣнія такое сравненіе съ отрицаніемъ предполагаетъ положительное, а потому новѣе послѣдняго.

б) Противоположеніе символа предмету не чуждо Влкр. пѣснямъ, но, если не ошибаюсь, чаще встречается въ Малорусскихъ. Обыкновенная форма такая-же, какъ и въ развитомъ положительномъ сравненіи, и отношение сопоставленныхъ предложенийъ, при отсутствіи союза, можетъ легко быть принято за сравнительное, какъ напр. въ слѣдующихъ мѣстахъ: „Надъ горою високою голуби літаютъ: я роскоши не зазнала, а літа минаютъ“ (Нар. Южнор. п., изд. Метл. 59); „Ой гиля, гиля, сизі голубоньки на високе літання: Та уже важко, мое серденько, та зъ тобою горювання“ (ib. 102); „Ой з за гори из-за кручи орли вилітаютъ: Не зазнаю я роскоши,—вже и літа минаютъ“ (ib. 106). Высокое летанье птицъ имѣетъ смыслъ ничѣмъ не стѣсняемой свободы; Чеш. *vijeti*, Пол. *vijać*, Русс. ширять, парить, значать не только высоко, но и привольно летать. Такому ширянию противополагается горе, стѣсненное положеніе человѣка, отсутствіе роскоши, т. е. раздолья, свободы, что, разумѣется, предполагаетъ сравненіе счастливаго человѣка съ высоко летящемъ птицею. И этотъ пріемъ позже сравненія. Кромѣ сложности формы, можно думать такъ и потому, что въ противоположеніи таится мысль о равнодушіи природы къ страданіямъ человѣка, о разладѣ послѣдняго съ дѣйствительностью, мысль естественная въ устахъ современного намъ поэта, но слишкомъ печальная для первобытной эпической поэзіи.

с) Причинное отношеніе тоже рождается изъ сравненія. Такъ, во многихъ народныхъ медицинскихъ средствахъ можно распознать символы выздоровленія, или болѣзни: пораженное сибирской язвою мѣсто очерчи-

ваютъ выпавшимъ изъ сухой сосны сучкомъ, чтобы уроки, призоры и пр. посыхали, какъ сучья и коренья у сухой сосны (Этн. оч. Ю. С. Гул. 53); рожу лѣ-чать высѣканьемъ огня и прикладываньемъ краснаго сукна на болѣвое мѣсто, потому что рожа сближается въ языкѣ съ огнемъ и краснымъ цвѣтомъ. Вообще символизмъ доживаетъ свой вѣкъ въ подобныхъ сложныхъ формахъ; онъ долго живеть въ примѣтахъ, симпатическихъ лѣченьяхъ и другихъ предразсудахъ, послѣ того, какъ исчезнетъ въ высшихъ формахъ народной поэзіи.

Такъ-какъ символизмъ есть остатокъ незапамятной старины, то встрѣтить его можно преимущественно тамъ, гдѣ медленнѣе происходить отданіе мысли отъ языка, куда медленнѣе проникаеть новое. Какъ ни стары иныя былины, пѣсни юнацкія, все-же онѣ, съ немногими исключеніями, всѣмъ своимъ содержаніемъ относятся ко временамъ историческимъ. Жизнь, въ нихъ изображенная, есть жизнь столкновенія и борьбы народовъ, жизнь прогресса, быстро приводящая въ забвеніе старицу и возсоздающа ея въ новыхъ формахъ. Вообще мысль мужчины шире, подвижнѣе, измѣнчивѣе, въ силу новыхъ, входящихъ въ нее, стихій, чѣмъ мысль женщины, заключенной въ кругу медленно измѣняющагося домашняго быта, болѣе близкой къ природѣ и неподвижному разнообразію ея явлений. Женщина—преимущественно хранительница обрядовъ и повѣрьевъ давно застывшаго и уже непонятнаго язычества. Оттого связь съ языкомъ и символизмъ, характеризующіе женскія пѣсни, встрѣчаются въ мужскихъ въ гораздо меньшей степени. Символизмъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ постороннихъ вліяній, а потому онъ необходимъ и яснѣе у Русскихъ и Сербовъ, чѣмъ въ пѣсняхъ Чеховъ, Лужичанъ, Хорутанъ, Поляковъ. Эстетическое достоинство произведеній народной поэзіи падаетъ вмѣстѣ съ символизмомъ и отъ тѣхъ-же причинъ: между прочимъ—отъ уменьшенія числа людей, для коихъ языкъ и произведенія народной словесности

главные средства развитія. Правда, превосходная Сербская историческая пѣсни и некоторые Млр. думы доказываютъ, что и при отсутствіи символовъ возможны высокія народныя произведенія, если между классами народа нѣть рѣзкаго различія и если вся масса народа достигнетъ извѣстной степени воодушевленія; но воодушевленіе проходитъ, масса народа разъединяется, и снова начинается процессъ паденія народной словесности.

Въ настоящее время многія Малороссійскія пѣсни, еще прекрасныя по частностямъ, не представляютъ никакого внутренняго единства. Онѣ, очевидно, механически спиты изъ отдѣльныхъ двустишій и четверостишій, которые встрѣчаются въ другихъ пѣсняхъ, поются и сами по себѣ. Однѣ изъ этихъ короткихъ пѣсенекъ — параллельные выраженія съ правильно-употребленнымъ символомъ; въ другихъ символъ поставленъ случайно, по привычкѣ; въ третьихъ опущенъ символъ или его объясненіе, которое теперь было бы вовсе не лишнимъ. Пол. краковъяки, кажется, были прежде параллельными выраженіями, какъ Малорусскія „уличныя“ и „коломыйки“, но теперь представляютъ гораздо большую степень разложенія, чѣмъ эти послѣднія. Нѣкоторые изъ нихъ — наборъ словъ, утратившій всякий смыслъ: „Kamieñ na kamieniu, na kamieniu kamieñ, A na tém kamieniu jeszcze jeden kamieñ“.

Приводя въ порядокъ немногіе собранные мною материалы, я старался не упускать изъ виду символики съ языкомъ, и располагалъ символы по единству основнаго представленія, заключенного въ ихъ названіяхъ. Въ частныхъ случаяхъ я могъ ошибаться, но вѣрно то, что только съ точки зрѣнія языка можно привести символы въ порядокъ, согласный съ воззрѣніями народа, а не съ произволомъ пишущаго.

Огонь. Свѣтъ. Еслибы мы не знали, что божества огня и свѣта занимали важное мѣсто въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, то могли бы убѣдиться въ этомъ изъ обилія словъ, имѣющихъ въ основаніи представлѣнія огня и свѣта.

Какъ душа и жизнь, такъ и частныя проявленія жизни: голодъ, жажда, желаніе, любовь, печаль, радость, гнѣвъ представлялись народу и изображались въ языкѣ огнемъ. Слова, первоначально примѣняемыя къ нѣсколькимъ понятіямъ, напр. и къ желанію, и къ печали, съ теченіемъ времени становятся опредѣленіе, начинаютъ обозначать одно извѣстное понятіе. Диссимилирующая сила языка дѣйствуетъ при этомъ по правиламъ часто совершенно для нась непонятнымъ. Примѣромъ этого, какъ кажется, произвольного разграничія тождественныхъ по основному признаку словъ могутъ служить названія пищи и питья, голода и жажды. Что пища и питье роднятся между собою въ языкѣ, видно изъ слѣдующаго: сл. пища происходитъ отъ пи—ти съ суффиксомъ, ставшимъ согласно корня. Отъ предполагаемой формы питити—Млр. питимий, кормящій/ Млр. „питимая матінка“ можно буквально перевести: „кормилица матушка“. Суф.—имый имѣеть здѣсь дѣйствительное значеніе, какъ въ родимый. Отъ соути, лить, происходятъ: сытый, накормленный, отличающееся обыкновенно отъ пьяный и сопоставляемое съ симъ послѣднимъ, и сыта (медовая), слово, означающее собственно жидкость и по такимъ-же неизвѣстнымъ причинамъ отнесенное къ меду, какъ слова квасъ (ср. киснуть, мокнуть, Серб. киша, дождь) и пиво къ своимъ понятіямъ. Въ одной Лужицкой пѣснѣ, наоборотъ, вода названа съѣстною: *Pósćel jeho po wodu, po tu wodu jadomu* (Haupt. I. 145). Сродство голода и жажды видно въ нѣсколькихъ словахъ. Ст.-Слв. жѣльдѣнъ, тождественное по корню съ Русс. голоденъ, въ Серб. жудан получаетъ значеніе жаждущаго. Смага, близкое къ смажить, жарить, значить въ Смол. губер. жажда, а въ Псков.—позывъ на пищу.

Пол. *pragnąć*, *pragnienie*, жажды, Стар. Русс. пра-жу, жажду (Азбук. въ Ск. Р. Н.), образовалось отъ значенія Пол. *prążyć*, Млр. прягти (гдѣ я указыва-етъ, можетъ быть, на старинное *ѧ*), жарить. Самое жажды (кор. *жѧд*) можетъ быть сродно съ кор. *жег*. То-же подтверждаютъ выраженія: „ѣсть хочется, а пить — какъ душу выжгло“ (Бусл. Посл. въ Арх. Кал. кн. II. ч. 2); „Ты бѣ жаждущимъ утробъ охлажденіе (Илар. о Зак. благ.); „гладомъ таати“ (Варл. и Іосафѣ приб. къ Лит. Ист. Стар. пов. и пр. Пып.). Таять, кромѣ обыкновенного значенія, имѣеть и теперь еще на Сѣверѣ другое, горѣть; совершенно такъ, какъ топить: „затаяли свѣцу воску ярово (Пам. и обр. 414); отсюда Млр. потала (въ выраженіи „звірю на поталу“)—пожраніе, жертва. Какъ жратъ, єсть—одного корня съ горѣть, такъ Пол. *rożuwać*, єсть, по связи жизни съ огнемъ, можетъ въ основаніи имѣть представлѣніе огня, который, по пословицѣ, хуже вора, потому что „воръ воруетъ, хоть стѣны оставитъ, а пожаръ все пожираетъ“ (Бусл. Посл.). Нѣкоторыя слова, означающія желаніе, прямо примыкаютъ къ понятію голода и жажды, а черезъ нихъ къ горящему вну-три человѣка огню. Таковы Ст.-Слв. *жѧдати*, Пол. *żądać*, *pragnąć*, желать. Другія—не имѣютъ видимой связи съ голодомъ и жаждою, но относятся къ огню.

Желать сродно съ жалить, жалѣть и горѣть, о чемъ память сохранилась въ пословицѣ: „Ярко же-лаютъ, да руки поджимаютъ“ (Бусл. Посл.). Млр. и Влр. бажать, сильно желать, имѣеть при себѣ Млр. багатья, горячіе угли, жаръ. Даже горѣть могло принимать значеніе желать, какъ можно заключить изъ слѣдующаго. Въ Млр. дѣвичьей игрѣ „въ горю-дуба“ (или „въ горю пня“, Псков. огарыши, горѣлки), дѣвушка, ставшая горѣть, говорить: „горю, горю дубъ (или пень)“. Одна изъ двухъ, ставшихъ противъ нея, спрашиваются: „чого-жъ ти горишь?—„Красноi пан-ни!“—„Якоi“—„Тебе молодоi“ и пр., за тѣмъ тѣ двѣ бѣгутъ, а горѣвшая ловить (Дни и мѣс. Укр. посел.,

Максимовича, Русс. Бес. 1856 г. III.). Родительный п. при горѣть показываетъ, этотъ глаголь значить здѣсь не ловить—бѣгать, какъ можно думать по связи огня и быстроты, а скорѣе желать, любить. Любовь есть желаніе, почему Псков. жаланный—любезный, желанный—любезный, милый (Орл. Туль.), ласковый, добрый (Моск. Олон.); Твер. жадный, милый; во многихъ Сѣв. губ. бажоный, миленький. Костр., Олон. Тамб. бажать-ка—крестный отецъ, крестная мать, можетъ быть потому, что излюблены, выбраны, въ противоположность роднымъ. Связь любви съ огнемъ выводится и изъ сближенія красоты съ огнемъ, о чемъ —ниже. Въ названіяхъ печали я не замѣтилъ доказательствъ связи этого чувства съ жаждою—голодомъ; связь съ огнемъ—ясна. Печаль отъ печь, слово неупотребительное въ Млр., въ замѣнѣ чего Млр. журба имѣеть постоянный эп. пекуча. Журба, слово близкое по формѣ къ Чеш. zuřiti, свирѣпѣть, одного корня съ горѣти—жрѣти: у есть усиленіе глухаго звука (ср. муравей—мѣравій). Жаль—горе тоже однородны съ горѣть, равно какъ обл. на-зола, грусть, близкое къ зола, (ср. пепель—удвоенная форма отъ плати, но и безъ предл. по—все-таки продуктъ горѣнія), золь, имѣющему другую форму горшій. Скорбь имѣеть при себѣ заскорбнуть, засохнуть, скорблый, сухой. Сухота (Моск. и Млр.), забота, печаль отъ сухъ, откуда доволѣно рѣдкій Млр. гл. сушувать, горевать (Этн. Сбор. I. 357), и обыкновенное Млр. сушить—вялить (о горѣ). Какъ въ языкѣ, такъ и въ народной поэзіи понятія желанія, любви, печали сродны между собою потому что выражаются въ однихъ и тѣхъ-же образахъ внутренняго и вѣнчаняго огня. Какъ сл. утолить, напр. голодъ, жажду, имѣеть въ основаніи понятіе огня (тлѣть, обѣ огнѣ), хотя выражаетъ его утишеніе, усмиреніе; такъ питье и ъда, усмиряющія жажду и голодъ, служатъ символами упомянутыхъ сродныхъ съ огнемъ чувствъ.

а) **Питье.** Пить воду значить желать, стремиться, какъ можно догадываться изъ слѣдующаго: „Край тихого броду пье сивий кінь воду; Просилася мила та до своего роду“ (Метл. 244). Конь пьетъ отъ жажды, какъ просьба—слѣдствіе желанія; „край броду“, потому что бродъ—средство сообщенія раздѣленныхъ рѣкою. Болѣе примѣровъ можемъ представить для питья въ значеніи любви. Вода—дѣвица, женщина (см. ниже); хотѣть пить—жаждать любви: „Жедно момче горомъ јеадијаше, Жедно воде, а жельно ћевојке“ (Срп. пјесм. 416). „Що утата—лебедята летять до криниці. Прилетѣли до криниці, не пили водици; Та йшовъ козакъ до дівчини, зайшовъ до вдовиці“ (Метл. 53), т. е. какъ утки—лебеди прилетѣли къ водѣ, да не пили ее, такъ козакъ разлюбилъ дѣвицу, потому что шель къ ней, да не зашелъ. Менѣе выдержано сближеніе въ слѣдующемъ: „Чи се тая криниченька, що голубка пила? Чи се тая дівчинонька, що мене любила?“ (Метл. Ср. 63, 72). Замѣчательно слѣдующее мѣсто, гдѣ питье—блудъ: „Вопросъ: сыне, пей воду отъ своихъ источниковъ и отъ студенецъ, да не прольются своя воды. Толкъ: не сотвори блуда съ чюжею женою, да твоя жена съ чюжими не соблудить“ (Приб. къ рѣчи Пр. Бусл. „О нар. поэз. въ др. Р. Литт.“. Актъ Моск. Унів. за 1859). Сербское лъбити, цѣловать, тоже сближается съ питьемъ; напр. въ пѣсенькѣ помочанамъ (моби, т. е. мольбѣ, прошенымъ): „На крај, на крај, моја силна мобо, На крају је вода и девојка, Вода ладна, а девојка млада: Воду пијте, девојку лъбите“ (Срп. пјесм. I. 169); Ja се напих жубер—воде, Намирисах жуте дуње, А нальубих младе моме“ (ib. 362). Какъ любоваться, смотрѣть съ наслажденіемъ, относится къ любить, такъ Млр. дивиться, въ смыслѣ любоваться —къ символу любви питью: „Добри—вечіръ, удівоњко! дай води напиться! Хорошую дочку маешь, хочъ дай подивиться!“—Стоить вода на відничку, такъ ти и напийся; Сидить дочка въ віконечка, такъ ти й подівися!“ Символъ извѣстнаго явленія можетъ, какъ

сказано выше, быть средствомъ произвести это явленіе, или его причиною. Пить воду значитъ и любить, и быть любимымъ; напиться воды представляется средствомъ внуздить къ себѣ любовь: Чи я, мати, не хорішъ, чи я, парень, не дорісъ? Чому мене, моя мати, дівчата не люблять?—Піди, синку, до криниці, напийся водиці: Будуть тебе дівки любить ище й молодиці“.

“Пить вино—тоже любить: Лепо ме је сетовала мајка, Да не пијем првенога вина, Да не носимъ зеленога венца, Да не љубим тућина јунака” (Срп. цјес. I. 335, 334); „Ил'ћу пити кондир вина? Ил'ћу љубиш младу мому (ib. 331). Вода сближается со вдо-вою, а вино съ дѣвицей, потому что послѣдняя весела, а первая печальна (ib. 228). Пойти—женить: Не ћу брата женит' удовицом, Нит' ћу брата појити водицом... Већ ћу брата женити дјевојкомъ, И појити вином руменијем: Од вина јелице руменије, У дјевојке срце веселије“ (ib. 229). Отсюда питье—свадебный пиръ, т. е. пиръ по преимуществу: Срб. пир—свадьба, пирник—свадебный гость, пироватисе—жениться и выходить за-мужъ, пировати—пировать именно на свадьбѣ, а потомъ—вообще; у Лужичанъ Сербскому пир соотвѣтствуетъ *kwas*, свадьба, собственно питье, (ср. Срб. киша, дождь: понятія питья и изливанья совмѣщаются въ однихъ и тѣхъ-же корняхъ); въ разныхъ Влр. губерніяхъ пропить дѣвку значитъ просватать, а въ Бѣлоруссіи запоины—сговорь.

Женидьба служить символомъ битвы и смерти, потому что и то, и другое, и третье—судь Божій, а можетъ быть и по другимъ причинамъ. Въ частности пиръ—символъ битвы, потому что, какъ кажется, не только свадебный и надгробный, но и всякий бой—менѣе общественный пиръ сопровождался боями (кулачными?): областное (Волог. Яросл. Тульск.) сшибокъ, пиръ вообще и тризна; послѣднее видно изъ пословицы: „по дѣдѣ сшибокъ, а по бабкѣ щипокъ“ (Бусл. Посл. Арх. Калач. кн. II. Отд. 2). Варить пиво и пить значитъ биться. Въ думѣ на Желтоводскую битву Хмель-

ницкій говорить козакамъ: „Гей друзі молодці братя козаки Запорозці! Добре знайте, барзо гадайте, Изъ Ля-хами пиво варити замирайте. Лядъский солодъ козаць-ка вода, Лядъскі дрова, козацьки труда“ (Сб. Укр. пѣс. Макс. 67). Въ 1-й Новгородской лѣтописи читаемъ слѣ-дующій разсказъ о переговорахъ Ярослава съ предан-нымъ ему мужемъ изъ Святополчей дружины: „И бяше Ярославу мужъ въ пріязнѣ у Святополка, и посла къ нему Ярославъ ношцю отрокъ свои, рекъ къ нему: „онъ си! что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много“. И рече ему мужъ тъ: „рчи тако Ярославу, д'аче меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати“. И разумѣвъ Ярославъ, яко въ ношь ве-лить сѣцися“ (П. С. Лѣт. Ш. I). Нѣть основанія пони-мать это мѣсто въ буквальномъ смыслѣ, потому что рѣшимость Новгородцевъ перевезтись на тотъ берегъ Днѣпра было дѣломъ случайнаго обстоятельства, а не слѣдствіемъ недостатка въ припасахъ; сравнивая же съ предшествующимъ мѣстомъ, мы видимъ, что „меду мало варено“ значитъ: не было битвы (а стычки могли быть), а дать медъ дружинѣ прямо объяснено черезъ „сѣцися“. Пиръ—битва, а пьянь значитъ мертвъ, какъ видно изъ извѣстнаго мѣста въ Сл. о Пол. Иг. и изъ народныхъ пѣсень: „Ту кроваваго вина не доста; ту лиръ (свадебный) докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую“. Раз-бойники отвѣчаютъ вдовѣ убитаго ими, которая узнаетъ у нихъ коней своего мужа: „Ой ми собі сіі коні ми ихъ покупили, Та на гнилій колоді гроші полічили, Зъ холодної криниченъки могоричъ запили, Підъ гни-люю колодою спати положили“ (Ср. Ї. Pauli, II. 5). Въ пѣснѣ о Лемеривнѣ: „Ой одчиняй, моя матинко, во-рота! Я везу тобі невісточку пьяненъку... Ой упилась, моя матинко, од ножа, А заснула, моя матинко, крий коня“ (Метл. 285—6). Изъ сближенія пира съ битвою можно объяснить частое сближеніе словъ пить и бить: „Нельзя, нельзя воду пiti, нельзя почерпнути; Нельзя, нельзя жену бiti, нельзя поучити“ (Гул.